

Пресняков Михаил Вячеславович*,
*профессор кафедры служебного и трудового права
Поволжского института управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС
доктор юридических наук
(г. Саратов)*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

На сегодняшний день, в том числе в юриспруденции, существуют различные подходы к пониманию такого явления, как ценность. Исторически наиболее древним является натуралистический или абсолютистский, согласно которому ценности есть феномены, обладающие самостоятельным существованием.

Так, например, красноярский ученый-юрист Ирина Дмитриевна Мишина еще в 1999 году (!) защитила кандидатскую диссертацию на тему «Нравственные ценности в праве». В данной работе она выступила с резкой критикой любого рода психологических или социологических трактовок ценностей. По ее мнению, «ценности являются сущностями особого рода, бытие которых подчинено законам, отличным от бытия материального мира»¹. Реализация же ценностей в материальном мире образует различные реальные состояния, характеризующиеся признаком положительности. «Ценности, воплощенные в реальной жизни людей, суть состояния добродетелей, как, например, состояния героизма, святости и т.д., воплощенные в реальном бытии вещей и событий...». Попытки объяснить ценностные явления через апелляции к психологическим или социальным процессам И.Д. Мишина считает методологической ошибкой редукции, т.е. попыткой объяснить высшие явления через низшие.

Очевидно, что данный подход приводит нас к представлению о ценностях в платоновском или кантианском духе, т.е. как о явлениях трансцендентных миру. Справедливое в мире становится таковым благодаря причастности к «идее» справедливости (в том смысле, который вкладывал в это понятие Платон). Безусловно, подобный подход так же имеет право на существование и прошел, что называется, «проверку временем», однако здесь можно высказать своего рода «гносеологическое возражение». Так, рассматривая «концептуальную оппозицию» связанную с признанием социальной или онтологической природы ценностей, Д.А. Леонтьев приходит к выводу, что если онтологизировать ценности, придав им статус трансцендентных универсалий, то они «выпадут» из предметного поля научного анализа, станут непознаваемыми. Поэтому единственную альтернативу он видит в признании социальной природы ценностей.

* © Пресняков М.В., 2016

Иной крайностью в правовой аксиологии является объективистский или атрибутивный подход, согласно которому ценности рассматриваются как свойства или атрибутивные характеристики объекта. В юриспруденции это выражается в попытках обосновать самоценность права или отдельных правовых категорий: равенство, демократия и т.п.

В этом смысле интересно выделение известным ученым-правоведом Андреем Васильевичем Поляковым эйдетических и социокультурных правовых ценностей. «Эйдетические правовые ценности – это ценности самого права, неразрывно с ним связанные, вытекающие из его идеи и непосредственно в нем усматриваемые, независимо от его конкретно-исторического воплощения, от целей самого законодателя². Социокультурные же правовые ценности представляют собой отражение или выражение в праве иных, т.е. не вытекающих непосредственно из идеи права, социальных ценностей.

Цель любого права, по мнению А.В. Полякова, заключается в установлении определенного правопорядка, который в противовес хаосу и беспорядку, всегда представляет собой положительную ценность. Такой правопорядок должен быть социально легитимным, т.е. соответствовать социальным ценностям, что позволяет охарактеризовать его как справедливый правопорядок. «Правовой порядок, основанный на социально признанных нормах должного поведения, есть, в силу этого, порядок справедливый»³.

Это довольно старая проблема в юридической аксиологии, которая может быть выражена через дихотомию «ценности права» и «ценностей в праве». Еще известный болгарский правовед Нено Неновски проводил разграничение «права как ценности» и «ценностей в праве». Ценностями в праве с его позиции являются общие социальные ценности, которые в качестве идеалов структурируют правосознание, воплощаясь в правовых ценностях. Эти социокультурные ценности в праве приобретают статус его основных принципов. «Таковы свобода, равенство, справедливость, демократия, порядок» безопасность, мир. Наряду с ними существуют и специфические правовые ценности общего значения, такие, как идея права, идея стабильной законности и т.д.»⁴. Другими словами, право становится ценностью «через посредство ценностей в праве», без которых «собственной ценности права не существует».

Существенно иную точку зрения высказывал В.С. Нерсисянц с позиций разработанной им либертарно-юридической теории права. По его мнению, поиск социальных ценностей в праве приводит к тому, что «проблематика правовой ценности закона (позитивного права) и государства подменяется их нравственной (моральной, религиозной) оценкой и соответствующим требованием того или иного (неизбежно-релятивного, частного, особенного) нравственного или смешанного нравственно-правового содержания позитивного права и государственной деятельности»⁵.

В аксиологическом измерении весьма сомнительным нам представляется наличие таких ценностей права, которые не редуцируются к социо-

культурным ценностям. Можно говорить о собственном смысле или значении права, не сводимым к иным социальным и культурным смыслам и значениям, но как мы уже говорили выше, не следует отождествлять смысл или значение объекта с его ценностью. Понятие же «самоценность» на наш взгляд лишено всякого смысла: любой объект может быть ценностью для кого-то, но не в своей собственной сущности. Сомнительно и то, что любой правопорядок является положительной ценностью. Точнее это можно утверждать только на основе такого различения права и закона, которое проводит В.С. Нерсисянц. Однако при таком подходе ценностное содержание уже закладывается в само понятие права, в его сущностную характеристику и, по нашему мнению, это опять таки не ценность «материи права», а вложенная в него социокультурная обусловленность оценки как справедливого или несправедливого.

Таким образом, как нам представляется, ценность не есть свойство, качество или значение предмета, вытекающее из его морфологических характеристик. Ценность всегда существует в субъект-объектном отношении и «закреплена» не за объектом. Признание социокультурной природы ценностей и, в том числе правовых ценностей вовсе не означает их субъективации. Действительно, с одной стороны, ценность может восприниматься как индивидуальное переживание субъектом, т.е. субъективной значимости чего-либо как ценного для данного конкретного субъекта. С другой же стороны, ценность как таковая может рассматриваться с позиции надындивидуальной, коллективно разделяемой социокультурной характеристики. Вместе с тем, нельзя отрицать определенный «дрейф» ценностей в историческом и социокультурном поле.

В Декларации независимости США, единогласно принятой тринадцатью штатами 4 июля 1776 г., говорится: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Этот текст звучит вполне созвучно современным представлениям о равенстве в нашем собственном конституционном дискурсе. Однако можно вспомнить, что поправка «О признании рабов гражданами США» была внесена в американскую конституцию только в 1865 году, поправка Энтони, предоставившая активное избирательное право женщинам, была принята только в 1919 году. Видимо истина о том, что все люди рождены равными и свободными оказалась не настолько самоочевидной, как это полагали «отцы основатели». Вот это и есть формальное равенство, т.е. равенство равных. Весь вопрос здесь заключается в том, кого именно мы признаем равными, но решение этого вопроса лежит уже не в синтактике, а в семантике этого термина.

В этой связи интерес приобретает вопрос: можем ли мы говорить о наличии общечеловеческих ценностей, принимая во внимание их принципиальную обусловленность, детерминированность социокультурными фак-

торами. На наш взгляд, общество, социум имеет собственные законы развития и, несмотря на определенную поливариантность этих законов в рамках различных культур, все же, должны иметь место какие-то типические закономерности – ценности человеческого общежития как социокультурный инвариант. Например, ценность жизни членов сообщества и т.п. Вместе с тем, нельзя отрицать и глубоких цивилизационных отличий, которые присутствуют в различных культурах. На сегодняшний день «перегибы глобализации» начинают осознаваться и в правовой сфере⁶. Например, традиционные для западной культуры ценности: индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства – практически не находят отклика в исламской культуре⁷.

В соответствии с высказанной ранее позицией мы полагаем, что у нормативных систем не существует эйдетических ценностей. Прояснение этого вопроса применительно к сфере права и, в особенности конституционного права, представляется нам чрезвычайно важным, поскольку в юриспруденции, на наш взгляд, часто имеет место смешение понятий норма и ценность и чаще всего – в отношении норм предельно широкой степени обобщенности (что характерно для конституционно-правовых норм). Ну, например, согласно статье 2 Конституции Российской Федерации, Россия является социальным государством, политика которого направлена и т.п. Это конституционное утверждение представляет собой норму или ценность и где различие между данными модусами одного и того же объекта?

Другими словами, представляет ли собой ценность некую норму, которая требует необходимого поведения здесь и сейчас или же это цель, смысл, который задает лишь вектор движения. Известный российский психолог Дмитрий Алексеевич Леонтьев, который рассматривал соотношение ценности как эталона и ценности как идеала отметил: «Эталон стоит на месте, и мы к нему движемся, а идеал уходит от нас за горизонт».

Если перевести разговор в правовую плоскость, то это означает, что ценность правовых норм не тождественна их конкретно-нормативному содержанию. Ценность, как и норма, выполняет регулятивные функции, однако способ или метод такой регуляции существенно иной. Ценность, прежде всего, есть идеал, который указывает не «как делать», а «к чему стремиться». В физике существует интересное понятие «физический смысл математической формулы», который подразумевает своего рода «перевод» математического уравнения на язык физических процессов. Используя эту аналогию, можно сказать, что ценность какого-либо правового института есть «аксиологический смысл» соответствующей совокупности юридических норм. Принципиальная интенция ценностных идеалов в будущее предполагает, что ценность правовой нормы (института, принципа), прежде всего, выражает ее идеальную цель.

Это, кстати, многое проясняет в вопросе о настоящей потребности конституционно-правовой доктрины и практики в ценностном подходе к Основному закону и, в частности, объясняет настойчивые апелляции Конституционного Суда к аксиологической составляющей Конституции. Действительное содержание конституционно-правовых норм выявляется, а в значительной степени и формируется, устанавливается в процессе их толкования Конституционным Судом, правовые позиции которого «вписаны» в Конституцию в качестве ее неотъемлемой части.

Безусловно, в этом процессе «конституционной герменевтики» большую роль играет системное толкование текста Конституции, выявление взаимного соотношения ее положений и т.п. Однако, как отмечается в философско-методологической литературе, когнитивные процессы никогда не бывают беспредпосылочными и ценностно нейтральными⁸. «Осмысливая социальную реальность с помощью правового мышления, человек создает свой образ «желаемого права», включающего в себя те наличные проблемы социального взаимодействия личности, которые потенциально могут иметь правовой характер. На уровне законотворческой деятельности «желаемое право» становится позитивным правом и принимает форму обеспеченных силой государства нормативно-правовых установлений. «Желаемое право» предстает как своеобразный сплав правовых ценностей, знаний, идей, взглядов, представлений со значимыми для данного субъекта социальными отношениями. Иными словами, оно составляет интеллектуальную часть правовой установки личности»⁹.

Как нам представляется, именно это обуславливает значимость процесса перевода юридических норм на язык ценностей. Посредством такой конвертации появляется возможность интерпретировать конституционные нормы не только в системной связи, но и с учетом их идеального смысла. Как отмечает Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин: «Правила поведения принимаются в определенных целях. Многочисленные и разнообразные эмпирические цели, в конечном счете, восходят к общей цели (идее), которая объединяет людей в политическое сообщество и на которой держится все государство. Эта цель в своем содержательном аспекте выражается в общем благе (общее добро). В формально-юридическом аспекте такой целью является утверждение правовых начал»¹⁰.

Существенной спецификой ценностей, отличающей их от норм, является именно то, что они имеют иерархическую структуру. Так, например, Л.И. Иванько отмечает, что «норма не имеет градаций: ей либо следуют, либо нет. Ценности же различаются по «интенсивности», характеризуются большей или меньшей степенью настоятельности»¹¹. Ценности в сознании человека и в массовом сознании стоятся по иерархическому принципу: одни из них являются менее значимыми, чем другие и ими можно пожертвовать во имя более значимых ценностей. Безусловно, нормативная система права также характеризуется иерархичностью, но эта иерархия строится «по юри-

дической силе», т.е. в зависимости от уровня соответствующего источника права. В рамках же одного нормативного акта нет никакой иерархии норм, а их противоречие воспринимается как коллизия, дефект законодательства.

Отсюда, по нашему мнению, вытекает второй (но не по значимости) аспект востребованности ценностного подхода в юриспруденции и, в особенности, конституционной доктриной и практикой. Он связан с возможностью и необходимостью системного толкования норм Конституции РФ. Характерной чертой конституционных норм является то, что они обладают высшей юридической силой, носят абсолютный характер и в этой связи реализация одних конституционно-правовых норм может быть сопряжена с препятствиями реализации других. Иными словами, может возникать своего рода «коллизия прав», равно гарантированных Конституцией. Коллизия прав в том смысле, который мы в нее вкладываем, предполагает не противоречие правовых норм, т.е. объективного права, а «столкновение» приобретаемых на их основе субъективных прав участников соответствующих отношений при непротиворечивости самих норм. Они ни в коей мере не являются дефектами ни нормотворчества, ни правоприменения. Отсюда – и способ их разрешения не может заключаться в совершенствовании законодательного (нормотворческого) процесса или применительной практики, а предполагает поиск разумного и справедливого баланса прав и законных интересов участников.

Как нам представляется, именно перевод данной ситуации из плоскости юридических норм и возникающих на их основе правоотношений в аксиологическую область, в сферу ценностей и позволяет выстраивать иерархию ценностей, взаимно соотносить их между собой с целью поиска справедливого баланса между ними. Баланс конституционных ценностей ни в коем случае не может сводиться к простому предпочтению одной ценности в пользу другой, поскольку это было бы равносильно отрицанию одной из них. Их сбалансированность может достигаться различными способами: придание правовой норме общезначимого толкования Конституционным Судом, внесением необходимых изменений и дополнений в действующее законодательство.

¹ Мишина И.Д. Нравственные ценности в праве: диссертация кандидата юридических наук. – Екатеринбург, 1999. – С. 29.

² Поляков А.В. Введение в общую теорию права и государства. Курс лекций. – М., 1998.

³ Там же.

⁴ Неновски Н. Право и ценности / Пер. с болг. – М., 1987. – С. 177.

⁵ Нерсесянц В.С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – С. 55.

⁶ См.: Честнов И.Л. Универсальны ли права человека: Полемиические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 73 – 82.

⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 1. – С. 43.

⁸ Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. – М., 1997. – С. 428.

⁹ Гусейнов А.И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. – 2007. – № 7.

¹⁰ Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12.

¹¹ Иванько Л.И. Ценностно-нормативные механизмы регуляции // Культурная деятельность: опыт социологического исследования / отв. ред. Л.Н. Коган. – М.: Наука, 1981. – С. 150.

Реут Дмитрий Алексеевич*,
*руководитель аппарата Московской городской
избирательной комиссии
(г. Москва)*

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ НАРОДОВЛАСТИЯ

Статьей 21 Всеобщей декларации прав человека предусмотрено право каждого человека участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих избранных представителей¹. Власть правительства (то есть избранных народом представителей) должна основываться на воле народа. Последняя, в свою очередь, реализуется на выборах, которые должны быть свободными, периодическими и нефальсифицированными при всеобщем равном избирательном праве.

Международный пакт о гражданских и политических правах устанавливает право народов на самоопределение, из которого следует право свободного установления своего политического статуса (статья 1), провозглашается право избирать и быть избранным с соблюдением требований, аналогичных установленным Всеобщей декларацией прав человека (статья 25)².

Ряд принципов избирательного права закреплен и в Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств, включая принципы приоритета общепризнанных принципов и норм международного права; признания, соблюдения и защиты прав человека и гражданина. Институту выборов придается значение правового инструмента по обеспече-

* © Реут Д.А., 2016